Ивановский. В. Н. О контрреволюции.

Дорогому Дмитрію Моисеевичу Петрушевскому от автора!

15/I 1918

НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 13.

Прив.-доц. В. Н. Ивановскій.

О КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІИ.

Цѣна 20 коп.

Издательство
преподавателей
Московскаго
Университета

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страст. бульв., Путинк. пер., д. 3.
1918.

О контръ-революціи.

1. Говорятъ, что незадолго до нашего переворота въ одномъ изъ вліятельныхъ при старомъ порядкѣ салоновъ шелъ разговоръ о томъ, когда можно у насъ ждать революціи. И одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ: «революція приходитъ, когда ея никто не ждетъ». То же самое нужно сказать и о контръ-революціи: она (т.-е., собственно, ея послѣдній фазисъ—крушеніе возникшаго во время революціи порядка) приходитъ тогда, когда ея никто не ждетъ.

И это происходитъ потому, что обычно не понимаютъ начальныхъ стадій какъ революціи, такъ и контръ-революціи, ищутъ ихъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а потому и оказываются не въ силахъ съ ними бороться.

Революція была у насъ уже въ полномъ ходу съ тѣхъ поръ, какъ недовольство деспотическимъ режимомъ получило широкое распространеніе. Старая власть чувствовала это недовольство; но она старалась не относить его къ своимъ дѣйствіямъ, видѣла въ немъ только козни своихъ противниковъ и думала справиться съ нимъ внѣшними мѣрами, полицейскимъ терроромъ... Подобнымъ же образомъ, и революціонный порядокъ можетъ быть ликвидированъ контръ-революціей, если онъ возстановитъ противъ себя широкіе слои народа; могутъ начаться попытки возстановленія порядка, аналогичнаго низвергнутому, а затѣмъ можетъ наступить и конечный актъ... И движущей силой контръ-революціи окажется именно это недовольство массъ.

2. Не надо думать, что такое недовольство всегда вызывается только простымъ неудовлетвореніемъ соціально-экономическихъ, классовыхъ интересовъ этихъ массъ. Оно можетъ проистекать и изъ нарушенія интересовъ

народно-государственнаго цѣлаго: разстройство общаго порядка жизни, разрушеніе трудовыхъ и экономическихъ связей и гражданскаго оборота, господство сначала групповыхъ, а затѣмъ и индивидуально-эгоистическихъ интересовъ, распадъ народно-государственнаго цѣлаго, попраніе національной чести и мощи внѣшнимъ врагомъ, атмосфера всеобщаго озлобленія и подозрительности, — все это грозные признаки для устойчивости революціоннаго порядка... Общественный строй, который не въ силахъ быстро и самымъ рѣшительнымъ образомъ ликвидировать анархію, не сегодня-завтра падетъ. И это должно совершиться независимо отъ того, будутъ или нѣтъ удовлетворены соціально-экономическія требованія даже очень крупныхъ общественныхъ классовъ. Февральская революція 1848 г. еще ничего не дала вынесшимъ ее на своихъ плечахъ французскимъ рабочимъ, когда анархія іюньскихъ дней уже привела къ контръ-революціи: государственный организмъ не можетъ долго выдерживать горячечной температуры. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда революція удовлетворяетъ интересы широкихъ массъ, контръ-революція и тогда стоитъ уже у дверей. Если интересы эти удовлетворены въ формѣ человѣчески справедливой, не вызывающей отчаяннаго сопротивленія обобранныхъ,—сами массы спѣшатъ упрочить свои пріобрѣтенія крѣпкимъ государственнымъ порядкомъ, закрѣпить зыбучіе пески революціи. Если же удовлетвореніе этихъ интересовъ массъ произведено въ формѣ явно несправедливой, если оно вызываетъ рѣзкій отпоръ со стороны потерпѣвшихъ группъ и междоусобную войну, ликвидировать революціонный порядокъ заставляетъ самый фактъ анархіи... Поэтому всякій вышедшій изъ революціи общественный строй стоитъ подъ угрозой контръ-революціи, и необходимы величайшія усилія строителей революціоннаго уклада жизни для того, чтобы ее предотвратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить.

3. Для этого необходимо возможно внимательнѣе отнестись къ нѣкоторымъ моментамъ революціоннаго порядка, безъ отчетливаго пониманія которыхъ мы всегда будемъ ходить въ потьмахъ.

Прежде всего, революціи обычно осуществляются коаліціями общественныхъ классовъ, недовольныхъ старымъ

порядкомъ. Въ Россіи, это недовольство, обостренное анти-патріотической дѣятельностью стараго правительства, граничившей съ государственной измѣной, было распространено настолько широко, что переворотъ у насъ носилъ прямо общенародный характеръ. Въ протестѣ объединились всѣ классы народа, и лишь ничтожныя группы, интересы которыхъ были тѣсно связаны съ хищнической эксплуатаціей народнаго организма старой властью, оказались въ моментъ кризиса на сторонѣ стараго режима. Но движеніе тотчасъ же ихъ смяло, загнало въ подполье, сдѣлало ихъ значеніе ничтожнымъ. И не отъ нихъ, конечно, самихъ по себѣ, можетъ ожидать опасности новый порядокъ. Однако, ничтожные сейчасъ, онѣ могутъ стать центрами кристаллизаціи общественнаго недовольства въ томъ случаѣ, если революціонный режимъ не справится съ лежащими на немъ задачами и окажется въ глазахъ народа банкротомъ.

4. А эти задачи, легшія на плечи новаго порядка, дѣйствительно тяжелы. Съ самыхъ первыхъ дней революціи начинаютъ проявлять свое дѣйствіе процессы, подтачивающіе силы новаго строя. Во-первыхъ, общественные классы, входящіе въ составъ побѣдившей коалиціи и ранѣе согласные другъ съ другомъ въ борьбѣ противъ стараго порядка, теперь начинаютъ порывать эти свои прежнія связи, начинаютъ стремиться къ осуществленію такихъ своихъ интерсовъ, которые противоположны интересамъ другихъ членовъ коалиціи. Частные собственники на землю и крестьяне-общинники, фабриканты и рабочіе, демосъ и интеллигенція, городъ и деревня, правительство и служащіе въ различныхъ учрежденіяхъ и т. д., и т. д.— всѣ эти противоположности начинаютъ сталкиваться одна съ другой и односторонне проводить свои интересы, вызывая тѣмъ въ другихъ группахъ неудовольствіе и отпоръ. Появляются обиженныя группы, которыя уже перестаютъ горячо относиться къ новому порядку, а иногда и прямо переходятъ во враждебный ему станъ. Коалиція революціонная таетъ, коалиція контръ-революціонная начинаетъ расти. Процессъ этотъ протекаетъ очень болѣзненно, потому что атмосфера переворота часто дѣлаетъ требованія общественныхъ группъ неумѣренными.

5. Въ Россіи положеніе это, и безъ того тяжелое, обостряется низкой степенью ея культурности. Массы еще очень мало сознательны; всѣ самые сложные вопросы кажутся ихъ элементарному пониманію въ высшей степени простыми; за эти массы говорятъ ихъ вожди—интеллигенты, мало считающіеся съ реальными интересами реально существующихъ общественныхъ группъ, проводящіе такія широкія и отвлеченно общія точки зрѣнія, съ которыхъ уже перестаютъ быть видными эти тонущіе гдѣ-то въ сѣрой мглѣ реальные интересы. Въ концѣ-концовъ, массы являются въ значительной степени просто орудіями для приложенія универсальныхъ рецептовъ спасенія человѣчества—той точкой и тѣмъ рычагомъ, при помощи которыхъ хотятъ сдвинуть съ орбиты всю землю. Некультурность массъ, впервые услышавшихъ изъ устъ этихъ идеологовъ нѣкоторыя элементарныя истины, дѣлаетъ ихъ фанатическими приверженцами этихъ истинъ, внушаетъ имъ желаніе примѣнять ихъ немедленно, абсолютно и въ полномъ объемѣ, безо всякихъ оговорокъ и ограниченій, какія вытекаютъ изъ другихъ, столь же непреложныхъ истинъ, оставшихся внѣ поля зрѣнія односторонняго мышленія вождей и наивности массъ. Теряется всякая перспектива, всякій порядокъ въ осуществленіи плановъ въ связи съ системой цѣлаго; далекія цѣли кажутся ближайшими задачами дня,—словомъ, одностороннія истины понимаются не діалектически, а метафизически. И чѣмъ эти истины элементарнѣе и одностороннѣе, чѣмъ онѣ оголеннѣе, абсолютнѣе и рѣзче, тѣмъ больше восторгъ неофитовъ, полагающихъ, что именно сквозь нихъ проходитъ въ данный моментъ стержень міровой исторіи, тѣмъ выше взлетаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ лишенный багажа политическаго опыта, элементарный умъ. Отсюда успѣхъ крайнихъ лозунговъ и партій; отсюда такія заявленія, что родины нѣтъ, что не надо воевать съ нѣмцами, а надо «рѣзать» свою же «буржуазію»; отсюда звѣрства солдатъ надъ мирнымъ, «буржуазнымъ» населеніемъ—своимъ же, украинскимъ: россійскимъ ли, или австрійскимъ,—все равно; отсюда убійства изъ-за угла генераловъ и офицеровъ, какъ «притѣснителей-буржуевъ»; отсюда весь тотъ кошмаръ, который мы пережили за послѣдніе мѣсяцы...

6. Въ этомъ отношеніи есть большое различіе между народами различныхъ темпераментовъ и различныхъ уровней культурности. Въ Англіи движеніе обычно тѣсно связано съ непосредственно ощущаемыми нуждами опредѣленныхъ группъ населенія; оно идетъ снизу, часто ощупью, оно подчасъ лишено идеологическаго взмаха, но зато оно жизненно и прочно. Оно мало рискуетъ, не продѣлываетъ опасныхъ экспериментовъ, дорожитъ результатами движенія, а потому готово на компромиссы; оно осторожно, подчасъ робко. Подобное же мы находимъ и въ Германіи, гдѣ исторія соціалъ-демократической партіи даетъ классическій примѣръ трезваго и благоразумнаго (иногда до цинизма) использованія всѣхъ конкретныхъ благопріятныхъ комбинацій, нелюбви къ авантюризму и мудраго накопленія и сбереганія силъ, которыми грозятъ, никогда не пуская ихъ въ ходъ. Отсюда, и въ Англіи, и въ Германіи тѣсная связь партійныхъ верховъ съ массами. Во Франціи мы видимъ уже не то; именно Франція дала сначала въ якобинствѣ, а потомъ въ бланкизмѣ столь же классическіе образцы заговорщической тактики, идеологіи террора и диктатуры меньшинства, доктринерской готовности все поставить на карту во имя раціонально-энтузіастическихъ предпосылокъ. Францію спасала все-таки глубокая, органическая культурность латинской расы, галльская восторженность и духовная одаренность этого талантливаго народа. Мы, въ Россіи, по господству идеологическихъ соображеній, по неспособности достигать посредствомъ общественнаго движенія удовлетворенія непосредственныхъ нуждъ массъ, сильно превосходимъ и Францію, отличаясь, къ нашей невыгодѣ, отъ нея еще тѣмъ нашимъ національнымъ свойствомъ, о которомъ говорятъ, что «русскій человѣкъ не только шапку, но и мозги набекрень носитъ». Въ оторванности вождей движенія отъ политики служенія реальнымъ интересамъ массъ, въ попеременной смѣнѣ въ этихъ массахъ восторженной преданности къ ихъ вождямъ, когда послѣдніе выставляютъ льстящіе массамъ лозунги, и взрывовъ ненависти къ тѣмъ же вождямъ, когда выясняется практическая неисполнимость этихъ лозунговъ, сказывается слабая степень организованности и развитія русскихъ массъ. Въ ней корень многихъ эксцессовъ общественнаго движенія. Классовое сознаніе подмѣняется

при этомъ классовой ненавистью; классовая борьба—въ высшей степени сложное явленіе, въ составъ котораго входитъ и весь строй повседневныхъ, трудовыхъ отношеній,—принижается до насилія, захвата и грабежа *); между нѣкоторыми революціонерами и уголовными героями нельзя уже провести яснаго различія, какъ это съ сокрушеніемъ констатировала еще въ 1906—7 гг. Роза Люксембургъ и какъ это имѣетъ мѣсто и въ наши дни.

7. Далѣе, въ революціонную эпоху па время исчезаетъ въ странѣ всякая власть. Каждая группа, классъ, корпорація начинаютъ сами регулировать свою жизнь и отношенія къ другимъ группамъ, классамъ и корпораціямъ. Связи цѣлаго слабѣютъ; сила ихъ начинаетъ возстанавливаться лишь постепенно—и именно тѣмъ путемъ, что въ странѣ мало-по-малу отсортировываются такія группы, настроенія которыхъ въ наибольшей степени отвѣчаютъ сознаваемымъ большинствомъ интересамъ порядка цѣлаго и «общему благу», какъ разумному компромиссу между благомъ отдѣльныхъ группъ. Однако, этотъ болѣзненный, сопровождающійся ожесточенной борьбой классовъ процессъ можетъ затянуться на довольно продолжительное время, и это будетъ «время разрухи». Великое преимущество традиціонной власти (преимущество, котораго она у насъ по своей тупости и близорукости не умѣла использовать) состоитъ въ томъ, что она могла бы, если бы захотѣла, стать тѣмъ центромъ, въ которомъ изъ интересовъ и требованій отдѣльныхъ общественныхъ классовъ могла бы вырабатываться нѣкоторая равнодѣйствующая, руководимая идеями общаго, государственнаго блага и соціальной справедливости. Новыя власти, возникающія въ революціонномъ процессѣ, пользуются признаніемъ только въ силу представляемыхъ ими групповыхъ интересовъ; центръ національнаго, общегосударственнаго дѣйствованія исчезаетъ, «общая воля» распыляется, и народъ и государство превращаются въ безформенную массу, раздираемую борьбою групповыхъ интересовъ, быстро принимающихъ инстинктивную, зоологическую форму. «Демократическій

*) Лица, работавшія надъ просвѣщеніемъ солдатской массы, констатируютъ, что тамъ преобладаетъ пониманіе классовой борьбы, какъ *чисто физической* схватки. «Вести классовую борьбу» значитъ убивать, жечь, рѣзать, грабить.

строй въ наибольшей степени требуетъ отъ гражданъ добродѣтели», говорили въ старину: демократія требуетъ сильной власти, порядка, самоограниченія, отказа отъ эгоизма... Вмѣсто этого мы видимъ разгулъ эгоизмовъ мелкихъ группъ, изъ которыхъ каждая говоритъ отъ имени «народа», «демократіи». Впрочемъ, чего же ждать отъ массъ, когда представитель верховной власти приказалъ не мѣшать, если какая-либо кучка придетъ разгонять Временное Правительство, т.-е. капитулировалъ передъ случайной толпой, предалъ права **демократіи, какъ организованнаго народнаго цѣлаго,** произволу каждой самозванной, якобы «демократической» кучки?

8. Эти болѣзненные процессы революціонной эпохи, тяжкіе сами по себѣ, осложнились у насъ цѣлымъ рядомъ другихъ, не менѣе грозныхъ по своимъ послѣдствіямъ.

Однимъ изъ выраженій недостаточно органическаго характера рабочаго, соціалистическаго движенія въ Россіи, преобладанія въ немъ привнесенныхъ сверху, интеллигентами, точекъ зрѣнія явился нашъ пресловутый, позорной памяти, утопическій «интернаціонализмъ». Въ моментъ небывало-тяжкой войны, когда всѣ силы народа должны были быть направлены на отстаиваніе родины, раздалась проповѣдь мира **немедленнаго и во что бы то ни стало,** самочинно заключаемаго пролетаріями воюющихъ странъ черезъ головы ихъ правительствъ. Мысль грандіозная, изъ которой, быть можетъ, черезъ полсотни лѣтъ вытекутъ великія послѣдствія для всего міра, но рискованная и авантюристическая при немедленномъ осуществленіи ея одною стороною безъ согласія другой. Мысль эта, исходившая изъ **соціалъ-демократической** идеологіи («пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»), показалась чрезвычайно заманчивой **прусскому милитаристическому абсолютизму,** который и сталъ помогать проповѣдывать ее у насъ, самъ у себя не обнаруживая однако ни малѣйшаго желанія дать возможность пролетаріату стать вершителемъ судебъ страны въ интернаціональномъ духѣ. И можно себѣ представить всю радость германской коалиціи и весь тотъ хохотъ надъ нашей глупостью, какими нѣмцы должны были встрѣтить наше «братанье», бѣгство нашихъ полковъ съ позицій, разстрѣливаніе во время боя своихъ же боевыхъ товарищей и многое другое, о чемъ страшно и говорить!..

Для того чтобы идея интернаціонализма, сама по себѣ высокая, могла получить почву для своего примѣненія въ жизни, нужно, во-первыхъ, чтобы объективное общественное развитіе уже разложило государственныя рамки, чтобы граждане каждаго государства уже очень немного получали отъ политическаго цѣлаго; между тѣмъ, очевидно, что это не такъ: на современной стадіи развитія интересы отдѣльнаго гражданина тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ процвѣтаніемъ государственнаго цѣлаго. Если Германія, въ результатѣ войны, свяжетъ насъ грабительскимъ торговымъ договоромъ, отрѣжетъ намъ торговые пути, захватитъ въ свои руки эксплуатацію нашихъ природныхъ богатствъ,—это отразится самыми печальными послѣдствіями на каждомъ гражданинѣ Россіи. Да и съ положительной стороны, развѣ благосостояніе государства, какъ цѣлаго, ничего не даетъ его гражданамъ? Развѣ тысячами узъ благо личности не связано съ общимъ благомъ?.. Во-вторыхъ, для осуществленія интернаціональной идеи необходима **реальная близость** пролетаріатовъ разныхъ странъ; о такой близости не только должны **говорить** вожди и идеологи массъ,—она должна уже быть фактомъ; между тѣмъ, большинство русскихъ рабочихъ и крестьянъ почти **не знаютъ** пролетаріевъ другихъ странъ, не говоря уже о томъ, что они не могли съ ними сжиться, сблизиться въ пониманіи, въ идеологіи *). А безъ такого сближенія не можетъ быть прочной связи; надуманное и притянутое за волосы «братство», при ближайшемъ знакомствѣ, закончится разрывомъ и враждой,— и вмѣсто діалектически сфантазированнаго «Интернаціонала» получится новая борьба. Наконецъ, въ-третьихъ, для успѣха «интернаціонализма» необходимъ одновременный подходъ къ нему обѣихъ враждующихъ сторонъ. Между тѣмъ, слѣпъ тотъ, кто не видитъ, что германскій пролетаріатъ въ массѣ своей стоитъ **фактически** (программныя фразы—мишура!)

*) Дикость мысли создать «Интернаціоналъ» словами, не дождавшись, пока онъ будетъ подготовленъ объективнымъ развитіемъ, очевидна всякому мыслящему соціалъ-демократу. Исторію творятъ не «головныя «идеи» (какъ бы онѣ ни были красивы), а извѣстные объективные факты: въ этомъ—основа діалектическаго марксизма. И лишь для идеи «Интернаціонала» изъ этой глубокой истины дѣлается непостижимое исключеніе.

на патріотической точкѣ зрѣнія и что Вильгельмъ II можетъ быть вполнѣ доволенъ успѣхомъ своей борьбы съ «Ребятами безъ отечества» (Vaterlandlose Geselen), на которыхъ онъ въ старое время такъ нападалъ. При одностороней попыткѣ положить оружіе и заключить миръ на основѣ «интернаціональнаго идеала» должно было получиться то, что получилось у насъ: разгромъ арміи, торжество врага, позоръ отечества!.. Иногда говорятъ: все это вышло изъ-за того, что мы, по призыву Керенскаго, стали наступать,—не надо было наступать! Разсужденіе наивное—ибо, когда нѣмцы стали наступать на Стоходѣ и разгромили 25 тыс. нашихъ войскъ—уже послѣ обращенія къ нимъ петроградскаго «Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ» съ вѣтвью мира,— то это было съ точки зрѣнія интернаціонализма позволительно; а намъ наступать на Галичъ, по столь же серьезнымъ стратегико-политическимъ основаніямъ, непозволительно!.. Вожди нашей демократіи питались иногда въ своихъ интернаціоналистическихъ настроеніяхъ сентиментальными воспоминаніями о своихъ личныхъ связяхъ съ германской соціалъ-демократической партіей и не хотѣли видѣть ясной и трезвой правды... Германскіе соціалъ-демократы предали интернаціоналистически настроенную русскую демократію, и это признаютъ безпристрастные люди даже среди нашихъ противниковъ. Оффиціальный органъ австрійской соціалъ-демократіи «Arbeiter Zeitung» пишетъ, что въ кризисѣ русской революціи, выразившемся въ пораженіи нашей арміи и въ петроградскомъ возстаніи 3—5 іюля, повинно также и соціалъ-демократическое большинство. Шейдемановцы, говоритъ газета, должны были въ свое время рѣшительно поддержать русскіе лозунги въ интересахъ скорѣйшаго мира. «Общія цѣли достижимы только при томъ условіи, что пролетаріатъ каждой страны пройдетъ навстрѣчу другому часть пути по направленіи къ пунктамъ взаимнаго соглашенія, попутно борясь съ воинственными настроеніями въ своей собственной странѣ. **Необходимо помнить, что ослабленіе милитаризма лишь въ одной изъ борющихся странъ подрываетъ силу ея рабочаго класса и одновременно ослабляетъ солидарность мірового пролетаріата».** Подчеркнутыя строки вожди нашей демократіи должны были бы выучить наизусть; когда имъ

это говорили въ другихъ выраженіяхъ раньше, они отвѣчали обвиненіями въ буржуазности. Попытка провести «интернаціоналистическія» точки зрѣнія во что бы то ни стало, «метафизически, а не діалектически», приведетъ, конечно, къ дискредитированію на долгое время самого принципа интернаціонализма.

9. Основнымъ содержаніемъ и главнымъ пріобрѣтеніемъ нашей революціи является, несомнѣнно, **народоправство**, замѣна власти «Божіей милостью» властью народа. Поэтому верховнымъ властителемъ **всей революціи** должно быть всенародное Учредительное Собраніе; именно во имя его, для доведенія до него страны, имѣетъ власть и само Временное Правительство. Учредительное Собраніе должно быть для всѣхъ путеводной звѣздой... Между тѣмъ, никто съ этимъ непреложнымъ фактомъ не считается: каждый классъ, каждая группа, каждая національность стремятся урвать, что можно, по «реальному соотношенію силъ», совершенно не считаясь съ интересами другихъ классовъ и группъ и съ интересами цѣлаго, пользуясь временнымъ параличомъ власти. Конечно, трудно было ожидать, что всѣ будутъ держать себя вполнѣ лойяльно, отложатъ рѣшеніе всѣхъ существенныхъ вопросовъ до «общаго сговора», до борьбы мнѣній въ законно избранномъ полномочномъ собраніи и до выработки на немъ пріемлемыхъ для всѣхъ компромиссовъ... Но одно дѣло— фактическое **нетерпѣніе** массъ и совсѣмъ другое—**сознательная захватная тактика революціонныхъ партій**. Безпринципныя попытки большевиковъ захватить въ свои руки диктатуру—сначала черезъ «Совѣты Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ», а потомъ черезъ спеціально выдуманные, но не осуществившіеся «Совѣты крестьянскихъ и батрацкихъ депутатовъ»; захваты власти мѣстными группами, явочное осуществленіе независимости Финляндіи и «самостійности» Украйны—все это удары идеѣ народоправства и принципу Учредительнаго Собранія; все это захваты принадлежащихъ ему правъ. Это господство частныхъ, партійныхъ, мѣстныхъ точекъ зрѣнія; эта боязнь того, что черезъ Учредительное Собраніе, пожалуй, не добьешься того, что сейчасъ можно захватить силой, никого не спрашивая и ни съ кѣмъ не считаясь,— великія испытанія для принципа народоправства. И все

это не только радуетъ прямыхъ и принципіальныхъ враговъ этого принципа, но и обезсиливаетъ его сторонниковъ, вырываетъ у нихъ изъ-подъ ногъ почву: разъ народоправство, какъ это сейчасъ имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, ведетъ къ хаосу, къ господству произвола, къ узурпаціи «общей воли»,—значитъ, это принципъ, если не въ корнѣ ложный, то—по крайней мѣрѣ, неприложимый при современномъ уровнѣ морально-общественнаго развитія и политическаго мышленія массъ.

10. Какъ понимается, далѣе, массами сама «свобода?». Дѣйствительность показываетъ, что подъ ней разумѣютъ не только освобожденіе отъ стѣснявшихъ жизнь при старомъ порядкѣ путъ, властно зовущее къ максимальному напряженію всѣхъ силъ и способностей, но и общая «вольготность» жизни, уменьшеніе до минимума количества затрачиваемыхъ на продуктивную работу силъ, увеличеніе до максимума вознагражденія за этотъ минимальный трудъ, и вообще «жизнь въ свое удовольствіе»... Извѣстно, что такое пониманіе повело къ общему уменьшенію производительности труда, и безъ того упавшей изъ-за отлива силъ на войну, къ недостатку и дороговизнѣ продуктовъ, къ ослабленію всѣхъ сторонъ и функцій народнохозяйственной жизни. Наша нищая страна еще больше обѣднѣла, и никакое увеличеніе заработной платы не можетъ угнаться за дороговизной: рабочій классъ обираетъ самъ себя тѣмъ, что плохо и небрежно работаетъ,—то, что каждый выигрываетъ на подъемѣ заработка, отнимается у него лѣнивой работой всѣхъ другихъ... Ясно, что, если новый режимъ не сможетъ вдохнуть въ работающихъ энтузіазмъ труда и энергію творчества, онъ погибнетъ и самъ подъ обломками хозяйственной жизни страны.

11. Роковое значеніе имѣетъ и подчеркиваніе въ принципѣ «классовой борьбы» только момента собственно **борьбы**. Между чѣмъ,—по крайней мѣрѣ, вплоть до наступленія общей реформы хозяйства въ соціалистическомъ духѣ (предполагая, что таковая наступитъ),—«борьба» есть лишь путь къ **соглашенію** и **сотрудничеству**. Нельзя остановить хозяйственную жизнь,—производство не должно не только прекращаться, но и просто ослабѣвать; а для этого нужна согласная работа всѣхъ причастныхъ къ нему элементовъ. Это положеніе обстоятельно

выяснено уже прессой, и на немъ мы не будемъ останавливаться. Настроеніе «борьбы» становится еще тяжелѣе отъ того, что въ массахъ многіе относятъ къ «буржуямъ», съ которыми надо «бороться», и всю интеллигенцію—весь интеллигентный пролетаріатъ—только за то, что онъ носитъ «шляпы» и «воротнички». «Ты сначала самъ попаши, а потомъ уже можешь книжки читать,—а то всѣ вы бездѣльники!..» «Какая у бухгахтера работа? Только развѣ что книгу толстую съ мѣста на мѣсто перенесетъ; а все остальное время онъ только пишетъ!» Такія рѣчи слышатся на митингахъ... Непризнаніе «умственнаго труда» за «работу», недовѣріе и подозрительность къ каждому интеллигенту—ядовитый плодъ своеобразно понятой «борьбы» физическаго труда за свое освобожденіе.

12. Неуспѣху создаваемаго революціей порядка способствуетъ еще одно психологическое обстоятельство. Народоправство понимается въ томъ смыслѣ, что каждое отдѣльное лицо имѣетъ право и должно высказываться и выносить рѣшенія по всѣмъ существеннымъ вопросамъ. Отсюда тѣ безконечные потоки рѣчей, которые заливаютъ созданныя революціей организаціи и не позволяютъ сосредоточить вниманія на продуктивной работѣ.

Принципъ народоправства въ такомъ своемъ пониманіи сталкивается поэтому съ еще болѣе важнымъ, повелительнымъ принципомъ всякаго общественнаго дѣйствованія—съ принципомъ экономіи силъ. Высоко культурныя націи давно это поняли, и въ Англіи, напримѣръ, демократія дѣйствуетъ черезъ передовѣріе своихъ полномочій немногимъ вождямъ, отвѣтственнымъ, конечно, передъ нею въ общемъ итогѣ, но дѣйствующимъ безъ прямой указки, по независимому, личному разумѣнію. Только въ Россіи могли додуматься до того, до такой дикости, какъ то, чтобы солдаты на митингахъ обсуждали и рѣшали вопросы о томъ, какую занять позицію, что дѣлать во время боя. Потоки рѣчей, хаосъ индивидуальныхъ мнѣній по каждому вопросу лишаютъ возможности работать какъ разъ самыхъ лучшихъ, обладающихъ иниціативой, талантомъ и чутьемъ момента работниковъ и выдвигаютъ на первое мѣсто бездарности, старающіяся плыть на гребнѣ преобладающаго въ данный моментъ, преходящаго настроенія массъ. Истинно демократическій режимъ не таковъ: онъ требуетъ свободы дѣй-

ствія для лучшихъ людей, съ одной стороны, и отвѣтственности ихъ передъ народомъ, съ другой. Отвѣтственность, но и довѣріе; контроль надъ общими тенденціями и основными мотивами, и свобода въ выборѣ средствъ для ихъ осуществленія.... Безъ этого революціонный режимъ, несмотря даже на всѣ тѣ блага, какія онъ временно принесетъ отдѣльнымъ классамъ и группамъ, погибнетъ отъ истощенія, отъ внутренняго худосочія...

13. Не надо забывать того, что революція имѣетъ совершенно различное моральное содержаніе, когда о ней мечтаетъ или говоритъ филантропъ, идеалистъ, и когда ее осуществляетъ та масса, интересы которой были руководящими «идеями» этого филантропа. Нашъ старый народникъ жилъ альтруистическими побужденіями; для него высшимъ завѣтомъ былъ голосъ долга, готовность къ жертвѣ; его неудержимо тянуло «въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви»...

Тѣ же мотивы руководили и соціалъ-демократами, такъ—и соціалъ-демократами,—такъ сказать, «перваго призыва», первой формаціи. Но потомъ приходитъ масса, для которой ея интересы, защищавшіеся «идейно» ея вождями-филантропами, являются уже ея эгоистическими вожделѣніями; мѣсто велѣній долга занимаютъ аппетиты,—начинается вакханалія своекорыстія, въ которой подчасъ уже не отличишь массы отъ ея вождей «второго призыва». Этотъ процессъ превосходно замѣтенъ въ движеніи русской революціи.

Народники всегда хранили въ себѣ искру того высоко гуманнаго духа, того горѣнія мысли и чувства, какими были отмѣчены: Герценъ и Чернышевскій, Крапоткинъ и Лизогубъ и вся плеяда народовольцевъ. Свѣтлы и чисты въ нашей памяти и образы начинателей русской соціалъ-демократіи: Плеханова, Засуличъ и др. Но сказать сейчасъ, гдѣ кончается склонная къ грабежу и насилію большевистская масса и гдѣ начинаются ея идейныя вожди, бываетъ подчасъ невозможно.

Этотъ процессъ неуклоннаго вырожденія моральнаго содержанія революціи, это изживаніе ею ея собственнаго содержанія—также лишаетъ движеніе одной важной опоры—возможности его идеализировать съ точки зрѣнія нравственнаго сознанія.

И тѣ, кто такую возможность идеализаціи ставитъ очень низко, кто думаетъ, что все дѣло сводится къ «борьбѣ за интересы», жестоко ошибается; ибо сама борьба за интересы не вырождается и бываетъ дѣйственной лишь до тѣхъ поръ, пока она не принимаетъ зоологическихъ формъ, пока она руководится идеями общаго блага и справедливости и потому допускаетъ идеализацію съ точки зрѣнія нравственнаго сознанія.

Сколько говорилось въ серьезной соціалъ-демократической литературѣ о томъ, что существующій строй хозяйственныхъ отношеній не зависитъ отъ злой воли отдѣльныхъ лицъ, что въ основѣ его лежатъ непреложные законы даннаго момента общественной эволюціи, и что поэтому «борьба классовъ» не должна вырождаться въ ненависть къ отдѣльнымъ лицамъ изъ другого общественнаго класса!..—И все это исчезаетъ при демократизаціи движенія, и угрозы «буржуямъ» становятся обязательной приправой каждой «сильной» рѣчи. «Сгинь, ненавистный капитализмъ», гласили плакаты большевистскихъ грузовыхъ автомобилей въ Петроградѣ, и стоявшіе на нихъ солдаты и матросы разстрѣливали изъ пулеметовъ толпу «буржуевъ»... Впрочемъ, чего ждать отъ массы, если даже ея идейный вождь, сочинившій «русскую марсельезу», помѣстилъ въ ней позорныя фразы: «бей, души ихъ, злодѣевъ проклятыхъ,— заблеститъ новой жизни заря!»?

Отъ свѣтлыхъ идеаловъ соціализма—до разстрѣла на Невскомъ мирной толпы,—вотъ глубина паденія соціалистической мысли и дѣйствія!..

Всѣ указанные моменты приводятъ къ одному результату: въ обществѣ и государствѣ воцаряется анархія. Власти нѣтъ, судъ въ параличѣ; жизнь и собственность не обезпечены отъ индивидуальныхъ покушеній; тягчайшія уголовныя преступленія остаются безнаказанными; продуктивность труда падаетъ; фабрики закрываются; продуктовъ нѣтъ; странѣ грозитъ голодъ и холодъ; наконецъ, новый порядокъ оказывается безсильнымъ выполнить даже элементарнѣйшую государственную задачу—сохранить боеспособную армію, могущую удержать нашествіе врага...

И вотъ, когда, какъ это имѣетъ мѣсто сейчасъ, начинаютъ все чаще и чаще слышаться голоса, что «всѣ великія злодѣянія стараго режима блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что

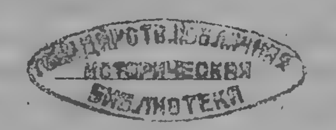
сдѣлали новые вожди народа», когда начинаютъ вздыхать по старому порядку, находя, что даже тогда все-таки «такихъ безобразій не было»,—тогда контръ-революція близка къ созрѣванію.

15. Глубоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, что контръ-революціи можно ожидать только отъ заинтересованныхъ служителей стараго порядка. Слишкомъ ничтожны эти группы; слишкомъ всенароденъ былъ порывъ, свергшій старый порядокъ... Исторію дѣлаютъ не крайніе правые, но и не крайніе лѣвые. Правые и лѣвые являются только полюсами, между которыми колеблется главная толща народа, своимъ сочувствіемъ дающая въ каждый моментъ преобладаніе то одной, то другой идеологіи. Посмотрите, какъ сказочно растутъ лѣвыя политическія партіи въ моментъ переворота и вскорѣ послѣ него, когда на нихъ покоятся надежды обывательскаго болота, и какъ пустѣютъ эти партіи, какъ только оказывается, что ихъ дѣятельность вредна для элементарныхъ благъ общежитія, что онѣ не могутъ дать того, чего отъ нихъ ждали. И если революція не сможетъ отразить внѣшняго врага, одолѣть внутреннюю анархію и своеволіе и предоставить рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ единственно правомочному общенародному органу—Учредительному Собранію,—рядовой обыватель всѣхъ классовъ отвернется отъ нея (все равно, получитъ ли тотъ или другой классъ какія-либо преимущества захватнымъ путемъ или нѣтъ) и свои симпатіи, которыя онъ недавно отдавалъ народоправству, перенесетъ на принципъ авторитарной власти—въ формѣ ли смягченнаго стараго порядка, или же въ видѣ революціонной диктатуры наполеоновскаго типа. Въ концѣ-концовъ власть останется за тѣмъ, кто будетъ въ состояніи водворить въ странѣ миръ и порядокъ, безъ которыхъ жизнь невозможна.

16. Большинство вождей революціоннаго движенія всего этого, къ сожалѣнію, совершенно не понимаетъ. Они все думаютъ, что контръ-революція уже «есть», что ее хочетъ осуществить какой-то уже существующій и значительный и опасный слой общества. Они не могутъ понять того, что контръ-революція можетъ быть **состояніемъ всего (или очень значительной части) народа.** Состояніемъ преходящимъ, конечно, но съ неизбѣжностью возникающимъ, разъ даны его предпосылки. Вовсе не нужно, чтобы уже сейчасъ

существовали контръ-революціонеры: при извѣстныхъ условіяхъ **всѣ (или очень многіе)** станутъ таковыми,—въ томъ числѣ и многіе изъ искреннихъ и преданныхъ революціи дѣятелей, и станутъ такъ же искренно и по долгу совѣсти, какъ они ранѣе стали революціонерами. Долгъ истинныхъ революціонеровъ не въ томъ, чтобы ловить и преслѣдовать «контръ-революціонеровъ», а въ томъ, чтобы сдѣлать общественный порядокъ и жизнь каждаго отдѣльнаго лица возможно болѣе обезпеченными отъ случайностей. Если это будетъ достигнуто, контръ-революція разсѣется, какъ дымъ; если же будутъ господствовать анархія, насиліе и всеобщая злоба и хаосъ, если страна будетъ голодать и мерзнуть, если національная честь будетъ поругана, **рано или поздно всѣ станутъ контръ-революціонерами.**

17. Вожди революціи впадаютъ въ данномъ случаѣ въ ту самую ошибку, въ которой полностью сидѣлъ старый режимъ. Вмѣсто положительной, творческой работы созиданія общаго блага они начинаютъ вести работу отрицательную—преслѣдованіе тѣхъ, кто въ данный моментъ является ихъ противниками. Положительная работа мѣшкотна, трудна и скучна; она требуетъ выдержки, самоотверженности,—она не видна. Напротивъ, обличенія противниковъ, травля ихъ—дѣло гораздо болѣе легкое, благодарное и эффектное. Еще Бентамъ говорилъ, что большинство «якобы вѣрующихъ» откупаются отъ истинныхъ подвиговъ вѣры травлею невѣрующихъ и еретиковъ. Поэтому, если вы не хотите контръ-революціи, сдѣлайте, чтобы Россія была счастлива, обезпечьте миръ и порядокъ, проведите реформы (хотя бы самыя радикальныя) и помните, что о васъ будутъ судить по общему результату, по ходу всей жизни страны, а, слѣдовательно, и по вашимъ отношеніямъ ко всѣмъ вреднымъ и полезнымъ для блага страны элементамъ, **по вашей способности управлять,** а не просто только по одной вашей программѣ. Успѣхъ революціи могутъ дать только политически и государственно мыслящіе революціонеры.

Того же издательства.

I. Народныя бесѣды.

№ 1. **Прив.-доц. Н. С. Арсеньевъ.** О нашемъ Временномъ Правительствѣ, о свободѣ и порядкѣ и о защитѣ родины. Ц. 6 к.
№ 2. **Прив.-доц. А. Н. Бѣликовъ.** Почему мы должны побѣдить нѣмцевъ. Ц. 7 к.
№ 3. **Н. Ф. Езерскій.** Почему нельзя вѣрить нѣмцамъ. Цѣна 12 коп.
№ 4. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники-французы. Цѣна 30 коп.
№ 5. **Прив.-доц. Н. С. Арсеньевъ.** О свободѣ и обязанностяхъ гражданина. Ц. 7 к.
№ 6. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники-англичане. Цѣна 25 коп.
№ 7. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники-бельгійцы. Цѣна 25 коп.
№ 8. **П. Ф. Преображенскій.** Учредительныя Собранія на Западѣ и русское Учредительное Собраніе. Цѣна 15 коп.
№ 9. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Какъ строилась американская демократія Ц. 15 коп.
№ 11. **Н. Ефимова.** Крестьянскія войны. Цѣна 35 коп.
№ 12. **Прив.-доц. С. Ѳ. Кечекьянъ.** Что такое учредительное собраніе? Ц. 6 коп.
№ 13. **Проф. А. А. Рождественскій.** Сложныя государства.
№ 14. **Прив.-доц. И. А. Ильинъ.** Что значитъ быть гражданиномъ.
№ 15. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Великая американская демократія. I часть. Ц. 20 коп.
№ 17. **П. Д. Бурскій** Братанье съ врагомъ. Цѣна 20 коп.
№ 18. **П. Д. Бурскій.** Революція и офицеры. Цѣна 20 коп.
№ 21. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Великая американская демократія. II ч. Цѣна 40 коп.

II. Научно-политическая библіотека.

№ 1. **Проф. Р. Ю. Випперъ.** Соціализмъ и соціальная реформа. Цѣна 30 коп.
№ 2. **Проф. Р. Ю. Випперъ.** Очеркъ исторіи соціализма въ новѣйшее время Цѣна 60 коп.
№ 4. **Проф. Шаусигъ и проф. Шапошниковъ.** Соціализмъ или капитализмъ? Цѣна 85 коп.
№ 5. **П. Ѳ. Преображенскій.** Пангерманизмъ и Россія. Цѣна 25 коп.
№ 10. **Проф. В. М. Хвостовъ.** Женщина въ обновленной культурѣ. Ц. 40 к.
№ 11. **Ф. Пасселекъ.** Существуетъ ли бельгійская нація? Цѣна 25 коп.
№ 12. **Прив.-доц. Д. П. Кончаловскій.** Личность и общество. Цѣна 30 коп.
№ 16. **Нѣмцы передъ собственнымъ судомъ.** Цѣна 20 коп.

Складъ изданія: Москва, Скобелевская площ., гостиница бывш. „Дрезденъ“, Книжный складъ при Обществѣ младшихъ преподавателей Московскаго Университета, а также: Орелъ, Гостинная, д. Скоропадскихъ, кв. Косовскаго.

